

Э.Г. Ермольева ©

Социальное государство в условиях «новой нормальности»: Характеристики европейской и латиноамериканской ситуаций

Аннотация. К числу характеристик текущего цикла посткризисного развития, обозначенного многими исследователями как «новая нормальность», относится обострение ряда проблем, выходящих за рамки «чистой» экономики: углубление социального неравенства; снижение уровня жизненных стандартов; низкая эффективность государственной антикризисной политики. Ослабление функций государства всеобщего благосостояния в некогда благополучных странах Европы активизировало дебаты об усилении главной его задачи – социальной защиты населения. В странах Латинской Америки расширение функций социального государства также стоит на повестке дня.

Abstract. The article deals with the specifics of the period, called the New Normal, a term referring to the economic conditions following the 2008–2013 financial crisis. Some of its distinguishing features consist in the growth of social inequality, the decline of living standards, real crisis of the Welfare State model in the EU countries. The low effectiveness of governmental anti-crisis policy gave rise to the active debate about new configuration of Social State and revision of its general functions, mainly, the social protection of the people. The similar agenda is inherent to the Latin American countries.

Ключевые слова: «новая нормальность», социальное неравенство, социальная политика, ревизия государства всеобщего благосостояния, Европа, Латинская Америка.

Keywords: New Normal, inequality, social policy, revision of universal welfare state, Europe, Latin America.

Понятие «социальное государство» давно вошло в экономическую, социологическую, политическую терминологию, однако, как замечают авторы монографии, недавно изданной ИМЭМО им. Е.М. Примакова [Социальное государство., 2016], различия в понимании социального государства прослеживаются даже в толковых словарях, не говоря уже о научных исследованиях. «Так, Кембриджский словарь определяет его как “систему, позволяющую государственным структурам за счет налогов предоставлять нуждающимся людям такие социальные услуги, как медицинская помощь, пособия по безработице и т.д.”, в то время как Британская энциклопедия – как “концепцию, в соответствии с которой государство или прочно устоявшаяся система социальных институтов играют ключевую роль в защите и содействии экономическому и социальному благополучию граждан”» [Ibid., с. 5]. В нашей работе мы сосредоточиваемся на анализе главной функции социального государства – обеспечении благосостояния граждан, социальной защите и эффективности программ вспомоществования.

О нарастании бедности и социального неравенства в Европе

В период кризиса, начавшегося в 2008–2009 гг., и после него внимание к концепции социального государства усилилось, поскольку «в условиях рецессии резко возросло число нуждающихся в социальной защите и поддержке граждан» [Семененко, 2012, с. 128].

Согласно данным Статистической службы Евросоюза (Евростат), доля населения, находящегося на пороге бедности и/или социальной исключенности (даже после перечисления социальных выплат), в среднем по ЕС-28 увеличилась с 23,3 (в 2009 г.) до 24,7% (в 2012 г.). В 2016 г. бедняки и социально уязвимые группы населения продолжали составлять 23,5%, или 118 млн человек (см. табл. 1).

Динамика бедности (2008–2016 гг., по некоторым странам ЕС)

СТРАНЫ	Доля населения на пороге бедности и социальной маргинализации ¹				Процент лиц в состоянии «глубокого материального обнищания» (депривации) ²	
	в % к общей численности		абсолютное число (млн человек)			
	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.
В среднем по ЕС-28	23,7	23,5	115,9	117,9	8,5	7,5
Австрия	20,6	18,0	1,9	1,5	5,9	3,6
Германия	20,1	19,7	16,3	16,0	5,5	3,7
Испания	23,8	27,9	10,8	12,8	3,6	5,8
Италия	25,5	29,9	15,1	18,1	7,5	12,0
Португалия	26,0	25,1	2,7	2,6	9,7	8,4
Швеция	14,9	18,3	1,4	1,8	1,4	0,8

Источник: [European semester., 2017, p. 11–12].

Европейские аналитики всерьез занялись изучением феномена бедности в разных ее проявлениях, что наводит на размышления. Сравним две цифры: в 2014 г. доля взрослого населения, имеющего доход менее 60% от национального медианного дохода, в среднем по Европе составляла 24%, а в Латинской Америке, согласно такой же методологии, – 28% [Panorama., 2015, p. 47–48].

Еще более примечательны показатели распространения бедности среди молодежи в некоторых европейских и латиноамериканских странах. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в возрастной группе 18–25 лет доля лиц, имеющих доход менее 50% от среднедушевого дохода,

¹ Англ. *people at risk of poverty or social exclusion*. Возрастная группа 18–64 года, имеющая доход менее 60% от национального медианного дохода после социальных выплат.

² Англ. *severely materially deprived people*. Депривация (от лат. *deprivatio*) – сокращение либо полное отсутствие возможностей удовлетворять основные потребности.

например в Чили (15%), ниже, чем в Испании (20%) [Income distribution..., 2017].

Некоторая схожесть – и одновременно особенность – ряда социальных проблем, обострившихся в условиях «новой нормальности» в странах – представителях Старого и Нового Света, столь непохожих между собой, позволяет проводить их сопоставительный анализ. Так, понятия бедности в сравниваемых регионах различны, однако категория «глубокого материального обнищания» весьма созвучна понятию «крайней бедности», которое широко используется в латиноамериканской научной литературе.

Вопросы, связанные со снижением материального уровня жизни, углублением социального неравенства, все чаще встречаются в научном дискурсе, поскольку сжатие внутреннего рынка, сокращение платежного спроса из-за увеличения количества обездоленных и малоимущих семей в условиях «новой нормальности» отрицательно сказываются на динамике общественного производства: на юге Европы это тормозит посткризисное восстановление, в Латинской Америке – затрудняет экономический рост.

Согласно ретроспективным оценкам ОЭСР, ухудшение материального положения 40% бедных слоев населения в государствах – членах организации (по которым имелись соответствующие сведения) в период 1985–2005 гг. обернулось замедлением темпов прироста ВВП в 1990–2010 гг. в среднем по ОЭСР на 4,7% [Ibid.].

Несколько иные расчеты со ссылкой на МВФ приводит Евразийский банк развития: при положительной тенденции «рост на один процентный пункт доли доходов населения с низким и средним уровнем в течение пяти лет приводит к ускорению экономического роста почти на 0,4 п.п.» [Лисоволик, 2016].

Для измерения социального неравенства используется несколько индикаторов, включая классический индекс Джини¹ и не-

¹ Индекс Джини (*Gini coefficient*) – показатель, характеризующий фактическое распределение доходов домохозяйств в определенной стране, – от абсолютного равенства (значение 0) до максимального неравенства (значение 100) [Human development..., 2016, p. 209].

давно введенный коэффициент Пальмы¹. Эксперты ООН, ЕС, ОЭСР оперируют также коэффициентами, характеризующими уровень присвоения национального богатства различными социальными стратами (например, квинтилями, т.е. 20%-ными группами). К их числу относится так называемый квинтильный коэффициент $S80/S20^2$. Для иллюстрации его динамики приведем сведения Еврокомиссии (см. рис. 1): увеличение значения коэффициента с 4,7 в 2005 г. до 5,2 в 2015 г. отражает нарастание социальной поляризации.

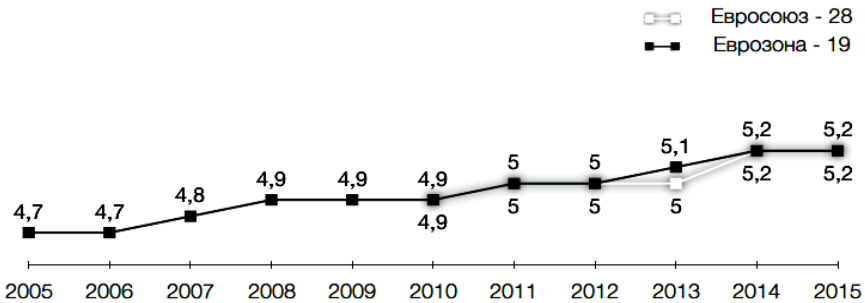

Рис. 1. Динамика квинтильного коэффициента $S80/S20$ в среднем по ЕС (2005–2015)

Источник: [Social scoreboard..., 2017, p. 7].

¹ Коэффициент Пальмы (*Palma ratio*) отражает закономерность, выявленную чилийским экономистом Хосе Габриэлем Пальмой (J.G. Palma), обнаружившим, что доходы среднего класса почти всегда составляют около половины валового национального дохода, тогда как вторая половина распределена между богатейшими 10% и беднейшими 40%, и доли этих двух групп значительно различаются от страны к стране. Коэффициент Пальмы рассчитывается как отношение средних доходов 10% самого богатого населения к средним доходам 40% самого бедного населения [Human development..., 2016, p. 209].

² Квинтильный коэффициент (*Quintile ratio*) отражает соотношение среднего дохода 20% наиболее обеспеченных слоев населения ($S80$) и средних доходов 20% малоимущих ($S20$) [Human development..., 2016, p. 209].

**Значение квинтильного коэффициента S80/S20
по некоторым странам Европы (2015)**

ЕС-28	Австрия	Германия	Испания	Португалия	Франция	Швеция
5,2	4,0	4,8	6,9	6,0	4,3	3,8

Источник: [Social protection committee., 2017, p. 83].

В табл. 2 обращает на себя внимание высокий показатель по Испании (6,9), показывающий, какой разрыв существует между материальным положением наиболее обеспеченных и малоимущих слоев в испанском обществе. И в последнее время этот разрыв значительно вырос (в 2009 г. коэффициент S80/S20 по Испании составлял 5,9 [Social protection committee., 2017, p. 83]).

Тем не менее, если рассмотреть динамику положения промежуточных слоев испанского населения по методу условного определения границы среднего класса¹, то анализ может быть весьма показателен, особенно на фоне алармистских выводов ведущего экономиста Международной организации труда (МОТ) Дэниэла Воган-Уайтхеда «об исчезновении» в Европе среднего класса [Europe's disappearing., 2016]. Следует, однако, учитывать разницу в методологии расчетов МОТ и Еврокомиссии.

К среднему классу в Европе эксперты относят семьи, чьи доходы варьируются от 80 до 120% от среднедушевого дохода в той или иной стране. Согласно статистике, к ядру среднего класса (core middle class) в Испании в 2008–2011 гг. относилось 26% населения, к несколько менее обеспеченным слоям (lower middle class) – 14, к чуть более зажиточным (upper middle class) – 28%, т.е. суммарно 68% населения [Social protection committee., 2017, p. 3].

Эти цифры несколько отличаются от оценок Всемирного банка, но их порядок сопоставим, что дает возможность проследить тенденцию в изменении положения испанского среднего класса за период с 2008 по 2014 г. По данным Всемирного банка, в Испании

¹ По этой методике «сначала выделяются 20% наиболее богатых и 20% наиболее бедных семей, затем высчитывается общественное богатство оставшихся 60% (называемых средним классом)» [Симоянов, 2014, с. 230].

**Социальное государство в условиях
«новой нормальности»:
Характеристики европейской и
латиноамериканской ситуаций**

доля средних слоев населения (60%) в совокупном национальном доходе оставалась относительно стабильной – 52,4% (2008), 52,0 (2010), 52,2 (2012), 52,4% (2014) [World development.., 2017]. Из этого можно заключить, что, несмотря на тяготы кризиса, в этой стране не происходило сильной «эрозии среднего класса», выражающейся, согласно докладу МОТ, в снижении доходов, определяющих принадлежность к среднему классу [Europe’s disappearing.., 2016]. Тем не менее вряд ли стоит оспаривать тот факт, что существует взаимозависимость между ростом имущественного неравенства и эрозией среднего класса.

По мнению аналитиков, в тех странах, где индекс Джини превышает значение 40,0, имеет место значительная социальная дифференциация. Данные табл. 3 показывают, что по сравнению с Европой Латинская Америка остается регионом с более высоким уровнем социальной поляризации.

Таблица 3

**Показатели социального неравенства по некоторым странам
Европы и Латинской Америки (среднегодовые данные
за 2010–2015 гг.)**

Регионы и страны	Коэффициент S80/S20	Индекс Джини
<i>Европа</i>		
Германия	4,6	30,1
Франция	5,3	33,1
Испания	7,3	35,9
Португалия	6,7	36,0
Швеция	4,2	27,3
<i>Латинская Америка</i>		
Аргентина	10,0	42,7
Бразилия	15,5	51,5
Мексика	10,8	48,2
Чили	12,2	50,5

Источник: [Human development.., 2016, p. 206–207].

Социальное государство в действии

Сглаживание неравенства и перераспределение национального богатства при помощи налоговой системы или других механизмов (например, путем так называемых замещающих доходов или трансферт) в пользу наименее обеспеченного населения относится к числу основных функций социального государства. Тому, насколько эффективно оно выполняет свои задачи в европейских странах, посвящено большое число научных работ; исследований по латиноамериканским странам намного меньше, однако основные тенденции можно проследить по обоим регионам.

Согласно Европейской социальной хартии, социальная защита (social protection) включает в себя как охрану граждан от социальных рисков (безработицы, болезни, старости, утраты кормильца), так и предоставление им определенных прав: на получение образования, охрану здоровья, обеспечение жильем. Иными словами, социальная защита – это комплекс целенаправленных мер экономического, правового и организационного характера для поддержки (прежде всего – материальной) наиболее уязвимых слоев населения – инвалидов, пенсионеров, безработных, граждан с низким уровнем доходов [European social..., 2015, p. 9–64].

Одной из особенностей общеевропейской социальной модели является высокий уровень расходов на социальную защиту. В латиноамериканских государствах расходы на социальную защиту значительно ниже, однако в некоторых субрегионах, например в странах Южного конуса, они сопоставимы по уровню с расходами развитых стран. Сравним: в 2015 г. в США доля расходов на соцзащиту составляла 19,0% ВВП, в Канаде – 17,2, Бразилии – 18,3, Уругвае – 17% [World social..., 2017, p. 317–322].

Если в большинстве государств Западной Европы различными формами социальной помощи охвачено от 95 до 100% населения, то в ЛА ситуация иная. Так, в Мексике лишь 50% жителей получают ту или иную социальную поддержку, в Бразилии – 60, в Чили – 69%. Самую развитую систему социального страхования и вспомоществования в ЛА имеет Уругвай, где на социальные выплаты в различных формах могут рассчитывать 94% граждан; этот показатель выше, чем, например, в Испании (где лишь 81% населения

охватчен различными видами социальной поддержки) [World social., 2017, p. 336].

В европейских странах «львиная доля» приходится на пенсионное обеспечение, чего нет в Латинской Америке. На пенсионное обеспечение в среднем по Евросоюзу расходуется 45% общего объема средств, направляемых на социальную защиту, или 13% ВВП, при этом самые высокие показатели – в Испании (12,0%), Португалии (15), Италии (16%) (данные за 2015 г.) [Expenditure on pensions..., 2016].

Страны Латинской Америки (в среднем по региону) расходуют на социальное обеспечение пожилых людей почти втрое меньшую сумму – 4,6% ВВП. Однако в Бразилии, например, этот показатель приближается к среднеевропейскому уровню – 9,1% ВВП, в Аргентине составляет 7,8%, в Чили – 5,1% [Pensions..., 2017, p. 147].

Примечательно, что в 2017 г. ежегодник «Социальная панорама Латинской Америки», который регулярно издает Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК, англ. ECLAC, исп. CEPAL), в качестве основной темы предложил анализ пенсионных систем, увязанный с предложениями по их укреплению и расширению охвата пожилого населения региона.

Согласно прогнозам, в 2036 г. численность лиц старше 60 лет в ЛА превысит численность детей в возрасте до 14 лет, а к 2040 г. составит 21% общей численности населения [World population..., 2017]. «В таких обстоятельствах государство должно играть активную роль в сглаживании проблем, возникающих в процессе старения населения, развивая инфраструктуру пенсионного обеспечения», – считают латиноамериканские эксперты, подчеркивая, что сегодня пенсионные системы региона малоэффективны и фрагментированы, и пенсионная защита в полной мере доступна не всем, «что приводит к распространению бедности среди пожилого населения» [Panorama..., 2017, p. 34]. По оценкам МОТ, в Перу, например, лишь 19,3% лиц в возрасте старше 60–65 лет получают пенсионное обеспечение, в Мексике – 25,2, в Колумбии – 51,7% [World social., 2017, p. 317–337].

Пенсионная проблематика давно привлекает внимание специалистов по развивающимся странам и государствам с переходной экономикой. Так, в 1990-х годах был проведен детальный анализ результатов стартовавшей в 1981 г. пенсионной реформы в Чили, связанной с введением накопительного страхования. Аналогичные преобразования позднее были осуществлены в Аргентине – в 1993 г., Уругвае – в 1995 г., в Боливии и Мексике – в 1996 г.

Еще больший резонанс вызвало решение чилийского правительства провести контрреформу: в 2008 г. обязательная, управляемая и финансируемая в частном порядке пенсионная система, существовавшая с 1981 г., была дополнена двумя государственными компонентами – общей базовой пенсией для людей с низким уровнем дохода, не получавших пенсий (исп. *pensión básica solidaria, PBS*), и для тех, кто получал очень низкие пенсии (исп. *aporte previsional solidario, APS*).

Вслед за Чили, первой в ЛА инициировавшей обратную реформу, похожее перереформирование провели Аргентина (2008), Боливия (2010) и Уругвай (2013). При этом первые две страны полностью исключили участие частного капитала в системе пенсионных выплат, а Уругвай сохранил частное финансирование с одновременным введением более жесткого государственного контроля и увеличением государственного участия в пенсионной системе.

Возвращаясь к сравнительному анализу латиноамериканской и европейской моделей социальной защиты, подчеркнем еще одно отличие: в Западной Европе выплаты людям активного трудового возраста (т.е. социальные выплаты по болезни, нетрудоспособности, инвалидности) по объему направляемых на социальную защиту средств занимают второе место (10% ВВП) после выплат пенсионерам и долгожителям (13% ВВП). На семейные и детские пособия в среднем по Европе расходуется около 4% ВВП. В наиболее острый период кризиса (с 2009 по 2012 г.) пособия по безработице составляли 1,7% ВВП, самые высокие показатели отмечались в Испании – 3,6% (2011/2012 гг.) [Social protection committee., 2017, p. 232]. К 2015–2016 гг. удельный вес выплат по безработице в среднем по Европе несколько сократился.

В странах латиноамериканского региона приоритетные направления социальной защиты и помощи существенно различаются: в Чили наряду с пенсионным обеспечением и выплатами пособий по безработице приоритетными являются детские программы, в Коста-Рике – социальный протекционизм уязвимых групп населения, находящихся за чертой бедности. В Бразилии с середины 1990-х годов активно развивается сектор детских пособий в рамках программ обусловленных прямых денежных трансферт (исп. *Programas de transferencias condicionadas, PTC*): так, по проекту адресной помощи «Школьный кошелек/Семейный кошелек» (порт. «*Bolsa escola/Bolsa familia*») беднейшие семьи получают денежные пособия, чтобы их дети могли получить не только базовое (9-летнее), но и 14-летнее общее образование.

Программы адресной материальной помощи в виде детских пособий существуют не только в Бразилии, Мексике или центральноамериканских государствах, где доля бедняков довольно велика, но и в странах Южного конуса, где в социальной опеке нуждается меньше детей, – Аргентине, Уругвае, Чили.

По данным ЭКЛАК, программами обусловленных прямых денежных трансферт в ЛА охвачено около 29 млн семей (почти 130 млн человек), или 17% от общего числа семей [Cecchini, Atuesta, 2017, p. 21–22].

Эксперты Программы развития ООН (ПРООН, англ. UNDP, исп. PNUD) считают латиноамериканские проекты материального вспомоществования «инновационной социальной политикой, осуществляемой в рамках курса проактивного *десаролльизма*, направленного на обеспечение поступательного социального развития региона» [Informe sobre..., 2013, p. 63]. Российские ученые склоняются к мнению, что подобные проекты социальной терапии бедности вряд ли помогут искоренить нищету, но, как и их зарубежные коллеги, признают, что «государственное адресное вспомоществование облегчает положение бедняков в плане борьбы с голодом, улучшения медицинского обслуживания и доступа к образованию» [Латинская Америка..., 2006, с. 243].

Экономический подъем, наметившийся в ЛА после спада 2013–2016 гг., позволит латиноамериканским государствам, как по-

лагают специалисты ЭКЛАК, продолжить разработку инновационных подходов к социальной помощи беднейшим слоям населения [Economías de América Latina., 2017]. Новые программы помощи увязывают прямые материальные выплаты с необходимостью охраны окружающей среды. Международная организация труда уделяет этим программам значительное внимание и с большим интересом оценивает опыт латиноамериканских государств – Бразилии, Коста-Рики, Колумбии, Мексики, Эквадора.

Нужно отметить, что первый опыт в Латинской Америке по применению комбинированного подхода – социальная помощь плюс охрана окружающей среды – был реализован в Коста-Рике, где в 1996 г. вступила в действие программа по выплате пособий за охрану лесных массивов (исп. *pagos por servicios ambientales, PPSA*). В начале 2000-х годов в Колумбии, Перу, Эквадоре также были разработаны лесозащитные проекты, предусматривавшие оказание материальной помощи бедному населению, проживающему в глухих районах [Schwarzer, van Panhuys, Diekmann, 2016, p. 18–19].

Итак, хотя в области социальной защиты латиноамериканский регион отстает от Европы по количественным показателям (прежде всего по объему социальных выплат), многие страны ЛА не ограничиваются стандартными формами социальной помощи, а находят своеобразные, новые ее виды. Иными словами, социальное государство в ЛА стремится эволюционировать качественно, и это обстоятельство, на наш взгляд, нельзя оставлять без внимания. Следует также учитывать, что путь поиска наиболее подходящей для региона модели был долгим и непростым.

Пенсионное обеспечение появилось в Чили в 1928 г., в Уругвае – в 1928 г., в Бразилии – в 1934 г., в Перу – в 1936 г. Первоначально государственные пенсионные системы охватывали только жителей столиц и крупных городов, специальные режимы соцобеспечения действовали для определенных профессиональных групп (например, военнослужащих и государственных чиновников). Формировавшиеся чуть позже пенсионные системы в Мексике и Парагвае (1943), Колумбии (1946), Боливии (1949) создавались в русле рекомендаций МОТ и с учетом получившего мировой резо-

**Социальное государство в условиях
«новой нормальности»:
Характеристики европейской и
латиноамериканской ситуаций**

нанс доклада английского лорда Уильяма Бевериджа (1942)¹. На это следует обратить особое внимание, поскольку обозначенные в докладе идеи легли в основу так называемой *англосаксонской модели* социальной защиты. Ее основными принципами являются: всеобщность (универсальность), т.е. охват всех граждан, нуждающихся в материальной поддержке; единообразии и унификация социальных выплат и условий их предоставления. Финансирование такой системы, получившей наименование *либеральной*, производится как за счет страховых взносов, так и за счет общих налоговых поступлений.

Характерно, однако, что в классической модели «по Бевериджу» всеобщность предоставления социальных услуг сочетается с довольно ограниченным участием государства в системе социальной защиты: помощь предоставляется главным образом тем, кто не может сам себя обеспечить, остальные граждане обязаны заботиться о себе самостоятельно. Поэтому не случайно, что для Латинской Америки, частично заимствовавшей либеральную модель, «спустившуюся» в регион от северных соседей (США и Канады), долгое время были характерны довольно низкие показатели государственных расходов на социальную защиту.

Но постепенно в латиноамериканских странах либеральная модель приобрела свои особенности. Принцип минимального государственного вмешательства отошел в прошлое, и с начала XXI в. латиноамериканские государства стали принимать активное участие в развитии национальных систем соцзащиты.

¹ В документе перечислялись принципы государства благосостояния; это понятие употреблялось как синоним понятия «социальное государство». Модель социальной защиты Бевериджа предполагала распределение ответственности между государством (базовые гарантии соцзащиты для всего населения с ориентацией на прожиточный минимум), работодателями (страхование наемных работников с их частичным участием) и работниками (дополнительное личное страхование). На основании доклада Бевериджа правительство Великобритании в 1944 г. начало реформу системы социального страхования. К 1952 г. были введены в действие законы о государственной службе здравоохранения и приняты декреты пенсионного страхования, а также страхования в связи с несчастными случаями на производстве.

Это прежде всего относится к странам Южного конуса, членам Меркосур, а также к Коста-Рике. В андских государствах, например в Перу, Боливии, Эквадоре, традиционно большую роль играет поддержка малоимущих со стороны семьи и общины, из-за чего некоторые исследователи именуют такую модель *фамилиалистской* (исп. *familiarista*, англ. *high familialism*) (см., напр.: [Cantu, 2015]). Таким странам, как Бразилия, Колумбия, Мексика, свойственна *дуальная модель* социального вспомоществования, сочетающая механизмы социального страхования с программами соцпомощи и не предусматривающая налоговых взносов, при этом большое значение имеют культурно-этнические обычаи населения и широкое распространение неформальной занятости.

Если попытаться классифицировать латиноамериканские системы соцзащиты, то нетрудно увидеть, что они имеют гибридный характер, часто носят фрагментарный характер и специфические региональные черты преобладают над схемами, заимствованными из моделей развитых стран (см., напр., публикацию Социального института Меркосур [Midaglia, Antía, 2017]). Альваро Эспина, профессор Мадридского университета Комплутенсе, полагает, что можно говорить об особом, латиноамериканском варианте социального государства (исп. *modelo latino*) [Espina, 2007].

Судя по новым публикациям и выступлениям ведущих латиноамериканских ученых и специалистов-практиков, ЛА находится на пороге переосмысления действующей «среднерегиональной» модели социальной защиты. С одной стороны, эксперты признают, что при широком распространении неформальной занятости в городах и особенно в сельской местности сохранение программ, не предусматривающих отчисление страховых взносов (например, социальных пенсий), остается объективной необходимостью. Однако, с другой стороны, уже очевидно, что система обусловленных, адресных выплат в рамках программ прямых денежных трансферт (РТС) для детей и семьи, акцент на которые был сделан почти 20 лет назад, работает не так эффективно, как ожидалось.

В 2015 г. аналитики Межамериканского банка развития (МАБР) обнаружили, что программы РТС приводят к не столь впечатляющим результатам по сокращению бедности, как представ-

ляли в своих обзорах некоторые функционеры ЭКЛАК. Опираясь на данные социологических опросов, эксперты Маркос Роблес, Марсела Рубио и Марко Стампини показали, что в среднем по региону адресной материальной помощью охвачена лишь половина семей, живущих в условиях «крайней бедности» и имеющих детей младше 18 лет; в то же время треть получателей дотаций не относилась к бедствующим группам населения. В связи с этим эксперты предложили кардинально пересмотреть механизм обусловленной денежной помощи, провести ее «переадресацию» [Robles, Rubio, Stampini, 2015].

МАБР достаточно часто выступает с критической оценкой инициатив ЭКЛАК. Отчасти это обоснованно. Актуальные и доказательные рекомендации Экономической комиссии, подкрепленные теоретическими выкладками и статистическими расчетами, призваны указывать магистральные направления при выработке социальной политики в латиноамериканском регионе.

Однако осуществление предлагаемых мер так или иначе сталкивается с существующей реальностью. Например, бывший Исполнительный секретарь ЭКЛАК (1998–2003), ныне профессор Колумбийского университета (США) Хосе Антонио Окампо считает, что необходимо переходить «к универсальной системе социальной защиты, способной оградить трудящихся от всякого рода рисков, не только от риска бедности. Такая система должна не только защищать малоимущих, но и обеспечивать устойчивость к рискам для среднего класса» [Ocampo, Gómez-Ortega, 2017, p. 20]. Однако при этом он признает, что «большое распространение неформальной занятости и малый объем поступлений в систему обязательного социального страхования» препятствуют развитию инфраструктуры всеобщей социальной защищенности [Ibid.]. (По данным Статистического ежегодника ЭКЛАК, в производственных сферах с низкой рентабельностью занято около 47% экономически активного городского населения региона [Anuario estadístico., 2016, p. 18].)

Очевидно, что внедрение более прогрессивных систем социальной защиты, сходных с европейскими, в большем числе стран ЛА пока затруднительно. Тем не менее в предложениях ЭКЛАК намечен именно такой курс. Нынешний исполнительный секре-

тарь комиссии Алисия Барсена в декабре 2017 г. подчеркнула в своем интервью, что региону «нужно перейти на солидарно-распределительные схемы – прежде всего с принципом перераспределения от младшего поколения к старшему, от тех, кто имеет больше, в пользу тех, кто имеет меньше» [Bárcena, 2017].

Ставка на иные модели социальной защиты отчасти оправдана их большей эффективностью как для борьбы с бедностью, так и для стабилизации материального положения населения в целом. Согласно докладу Люксембургского института социально-экономических исследований, «за счет социального вспомоществования за период с 2010 по 2016 г. в среднем по Европе удалось сократить число лиц, находящихся на грани глубокого материального обнищания, на 30%» [Notten, Guio, 2016, p. 23]. Тем не менее обращает на себя внимание своеобразный парадокс: результативность социальной помощи в Европе оказывается выше в относительно благополучных странах, нежели в тех, где потребность в государственном вспомоществовании выше (см. табл. 4).

Таблица 4

**Европа: показатель сокращения уровня бедности (в %)¹
за счет социальных выплат (исключая пенсии)**

СТРАНЫ	2008 г.	2012 г.	2016 г.
Германия	37,2	33,7	34,8
Франция	46,8	40,7	42,4
Испания	23,0	28,5	24,4
Италия	19,6	20,4	21,4
Португалия	25,7	29,3	24,0
Швеция	57,2	48,5	45,8

Источник: [Impact of social., 2016].

О государстве социального инвестирования

Пример как Латинской Америки, так и Европы показывает, что к осязаемому результату в деле поддержания достойного уров-

¹ Сравнивается число лиц, подверженных риску бедности до социальных выплат, с их числом после получения пособий.

ня благосостояния населения приводят не столько социальные выплаты в их основных формах, сколько инвестиции в образование и здравоохранение (вспомним теорию человеческого капитала); поэтому развитие этих сфер становится прямой обязанностью государства социального благополучия.

Таблица 5

Распределение государственных социальных расходов по основным статьям, в % к ВВП (по некоторым странам Европы и Латинской Америки)

Регионы и страны	Социальная защита		Образование		Здравоохранение	
	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.
В среднем по еврозоне	18,0	20,0	4,7	4,6	6,8	7,1
Германия	18,6	19,3	3,9	4,2	6,4	7,2
Испания	13,8	16,8	4,2	4,0	6,0	6,0
Швеция	20,1	20,6	6,4	6,6	6,6	6,9
В среднем по Латинской Америке ¹	3,9	5,0	4,2	4,6	2,7	3,4
Аргентина	9,8	14,1	4,3	6,6	6,7	7,1
Бразилия	11,4	13,2	5,3	5,0	8,2	5,1
Мексика	3,3	3,8	4,9	4,1	6,1	2,7
Уругвай	-	6,8	4,4	4,4	8,2	3,0
Чили	6,0	6,3	4,7	4,7	6,9	4,4

Источники: [Government expenditure.., 2018; Base de datos., 2017].

Статистика (см. табл. 5) показывает значительный отрыв Старого Света от Латинской Америки по инвестированию в программы социальной помощи и материальной поддержки наиболее уязвимых слоев населения. По инвестированию в образование разрыв значительно меньше. Государственное финансирование национальных систем здравоохранения в ЛА оставляет желать лучшего (в среднем по региону – около 3% ВВП), хотя в такой стране,

¹ Данные на 2015 г. и только по расходам центральных правительств, без учета местных бюджетов.

как Аргентина, этот показатель близок к уровню некоторых европейских государств.

Внимание социального государства в странах Европы в 2008–2014 гг. было сосредоточено главным образом на заботе о пенсионерах, лицах с низкими доходами, безработных, что привело к фрагментации систем социального обеспечения, к увеличению разрыва между «узконаправленными программами для малоимущих, с одной стороны, и акцентированием важности индивидуальных накоплений для населения со средним и относительно высоким уровнем достатка – с другой», подчеркивает МОТ [World social., 2014, p. 137].

По мнению экспертов Высшего совета по научным исследованиям Испании По Мари-Клозе, Франсиско Хавьера Морено Фуэнтеса, Элоизы дель Пино-Матуте, «с 2008 г. неравенство в Испании нарастало небывалыми темпами. И сейчас страна находится перед лицом такого сценария, когда надежда создать государство благополучия, сходное с иной Европой, представляется все менее достижимой» [Marí-Klose, Moreno Fuentes, del Pino-Matute, 2014].

В Латинской Америке с большим вниманием изучают проблемы, с которыми столкнулись Испания и некоторые другие страны Европы во время кризиса, и способы их решения. Известный латиноамериканский ученый, бывший заместитель исполнительного секретаря ЭКЛАК (2006–2008) Эрнесто Оттоне писал: «Представляется чрезвычайно полезным изучить опыт скандинавского, британского и других вариантов государства всеобщего благополучия и то, как эти модели противостоят современным вызовам и трудностям; их опыт важен для всего мира и особенно – для Латинской Америки» [Pactos sociales., 2014, p. 148].

В поисках новых решений

Многие аналитики указывают, что в текущий исторический период для решения проблем социальной исключенности (требующей вмешательства государства) первостепенное значение следует придавать не столько мерам социальной защиты, сколько развитию активной трудовой политики и механизмов инвестирования. Изучение опыта даже менее развитых стран (например, латиноамери-

канских) показывает, что по сравнению с прямыми денежными трансфертами или иными формами соцзащиты большую результативность в борьбе с бедностью дают вложения в образование и здравоохранение.

Государства Европы давно сочетают виды социальной помощи, адресованной нетрудоспособным и бедным слоям населения, с активными формами государственной политики, ориентированными на трудоспособных членов общества, что предполагает, в частности, создание условий для их самозащиты главным образом через участие в социальном страховании.

О смещении акцента с протекционизма на инвестирование в человеческий капитал говорит очередная инициатива Еврокомиссии, содержащаяся в Декларации о социальных правах [The European pillar., 2017]. Этот документ, принятый на европейском саммите в Гётеборге (ноябрь 2017 г.), содержит 20 пунктов, сгруппированных в три раздела: первый касается равенства возможностей для доступа в сферу занятости, второй – создания справедливых условий на рынке труда, третий – улучшения социальной защищенности европейцев. Комментируя принятие декларации, президент Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер сказал: «Европа медленно переворачивает страницу истории, выходя из многолетнего кризиса, однако мы пока не преодолели кризиса социального, которого не знали предыдущие поколения европейцев» [Social Summit., 2017].

Пункты декларации, посвященные социальной защите, мало отличаются от положений, зафиксированных в Европейской хартии (о необходимости государственной заботы о детях, пожилых, безработных, инвалидах и пр.). Гораздо важнее, на наш взгляд, раздел «о равенстве возможностей для доступа в сферу занятости», в котором на первое место поставлено право на качественное и инклюзивное образование, профессиональную подготовку в течение всей трудовой жизни «для получения и поддержания навыков, необходимых человеку для полноценного участия в жизни общества и успешного включения в рынок труда» [The European pillar., 2017]. Таким образом, еще раз подчеркивается, что социальный компонент Европы требует активного инвестирования в челове-

ский капитал¹. В действительности такая идея не столь уж новая. Еще в 1990-е годы британский ученый Энтони Гидденс разработал концепцию государства социального инвестирования (social investment welfare state), ставшую «частью европейского научного мейнстрима» [Социальное государство..., 2016, с. 185].

Весомым дополнением к концепции Гидденса стали идеи, которые предложил датский социолог Йёста Эспинг-Андерсен в книге «Почему нам нужно новое государство благосостояния» [Esping-Andersen, 2002]. В его работе рассматривается ряд актуальных вызовов, стоящих перед государствами с европейской социальной моделью: старение населения; риски, возникающие в связи со структурными изменениями на рынке труда; положение семей с детьми и необходимость инвестирования в молодое поколение. Эспинг-Андерсен делает вывод, что координация социальной политики в границах ЕС по таким направлениям, как забота о детях, увеличение расходов на обязательное среднее и дошкольное образование, стимулирование женской занятости, вовлечение в трудовую деятельность пенсионеров, позволит сформировать социальную модель, которая будет более справедливой.

По мнению профессора Миланского университета Маурисио Ферреры, в действительности коммунитарная политика Евросоюза в процессе *самотрансформации* модели социального государства стремится *взаимоувязать*, сочетать две составляющие – «меньший протекционизм в пользу большего инвестирования» [Ferrera, 2013, p. 10].

Поиски адекватного варианта социального государства в условиях «новой нормальности» с учетом своеобразия региональных социальных проблем идут и в Латинской Америке. При обзоре исследований, ведущихся в этом направлении, профессор Автономного университета штата Нуэво-Леон (Мексика) Диана Р. Эспино

¹ *Некоторые обозреватели считают, что декларация поможет обеспечить бóльший объем социальных расходов в многолетнем бюджете ЕС – Европейском семестре. Известно, что курс, предполагающий наращивание социальных расходов на образование (на фоне сохранения долгового кризиса во многих странах в текущий период времени), имел ранее не только своих сторонников, но и противников.*

Тапиа показывает, что при анализе кризиса «государства всеобщего благополучия» часть латиноамериканских авторов присоединяется к мнению европейских ученых-пессимистов, которые утверждают, что произошел его необратимый «демонтаж» (исп. *desmontamiento*); другие с ними не согласны и считают, что «государство всеобщего благосостояния» лишь потеряло престиж в глазах широкой общественности, которой преподносятся только удручающие цифры статистики [Espino Tapia, 2016, p. 52].

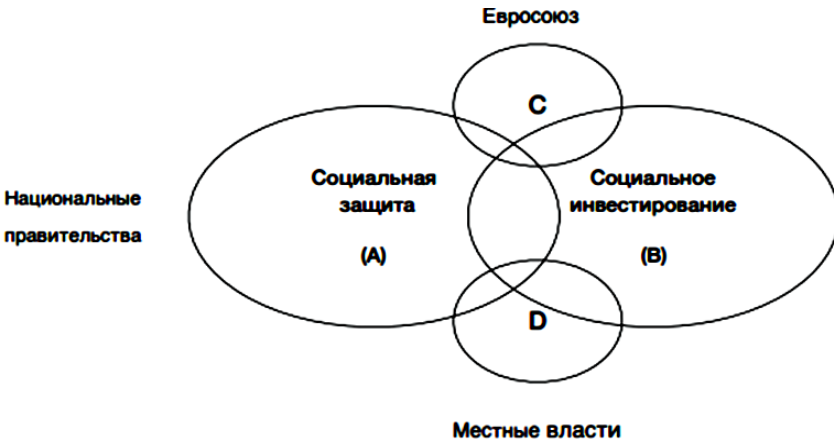

Рис. 2. Модель государства социального инвестирования

Источник: [Ferrera, 2013, p. 22].

Детально рассматривая парадигмы социального государства в Европе, Д.Р. Эспино Тапиа считает, что «вряд ли следует анализировать латиноамериканские модели через призму «государства благосостояния», учитывая свойственные им социально-экономические характеристики» [Ibid., p. 54]. С ее точки зрения, в ЛА следует совместить два понятия – «социальное государство» и «социально-правовое государство», «поскольку только такое сочетание может укрепить государство во всех его измерениях... и гарантировать гражданам равноправное участие в распределении экономических выгод» [Ibid., p. 74–75]. Полагая, что в настоящее время необходима реструктуризация социального государства, Эспино Тапиа солидаризируется с испанской коллегой из Мадрид-

ского университета им. Карлоса III Кристиной Монерео Атьенса, которая считает, что настало время перейти от государства вспомоществования (исп. *Estado asistencialista*) к государству социального развития (исп. *Estado desarrollista*) (см.: [Monereo Atienza, 2006]). При этом Д.Р. Эспино Тапия предупреждает, что государство социального развития не следует понимать в терминах *десаролльизма*, столь популярного в Латинской Америке в 1980–1990-х годах прошлого века и имевшего своей главной целью стимулирование экономического роста [Espino Tapia, 2016, p. 56]. С точки зрения К. Монерео, государство социального развития не должно ограничиваться социальной помощью для снижения бедности, а должно способствовать реализации потенциала личности в нынешней ситуации, когда «социальные условия мутировали, создали новые формы бедности и исключенности, и функции государства вспомоществования уже недостаточны» [Monereo Atienza, 2006, p. 392].

Знаменателен, на наш взгляд, факт параллельного поиска обновленных моделей социального государства по обе стороны Атлантики. Но это неудивительно, поскольку изменения, свойственные «новой нормальности», наблюдаются повсеместно: «...либерализация экономики, финансовое дерегулирование, интернационализация предпринимательства с ее неоднозначными последствиями, ущемление социальных прав и как следствие – нарастание неравенства во всем мире» [Espino Tapia, 2016, p. 73].

Показательна отсылка мексиканской исследовательницы к книге французского экономиста Тома Пикетти «Капитал в XXI веке», со страниц которой прозвучали пессимистические слова о том, что «растущее неравенство рано или поздно станет невыносимым» [Piketty, 2014, p. 669].

В Латинской Америке, где социальное расслоение чрезвычайно велико, такие высказывания воспринимаются научной общественностью особенно «близко к сердцу». По данным ЭКЛАК, в Бразилии, например, на долю 20% самых богатых слоев приходится 50,2% общенационального дохода, в Мексике и Чили – 48, в Аргентине – 35,5% [Panorama..., 2016, p. 92].

А что же думает Т. Пикетти о судьбах социального государства? Он прежде всего считает, что понятие «социальное государст-

во» больше соответствует реальности и лучше описывает все многообразие функций, выполняемых государством, чем более ограниченный термин «государство всеобщего благоденствия» [Пикетти, 2016, с. 494]. Он пишет: «Попытки пересмотра государства не прекращаются с 1970–1980-х годов и не прекратятся никогда: поскольку государство играет в экономической и социальной жизни центральную роль... [и] вполне нормально и закономерно, что эта роль постоянно обсуждается и ставится под вопрос» [там же, с. 471]. Иными словами, по мнению французского экономиста, ревизия социального государства будет происходить постоянно. Насколько универсальными станут его новые формы, возникшие в процессе эволюции, проходившей (и происходящей) в передовых государствах, насколько они приживутся в странах менее развитых – трудно сказать. Ведь даже «при одинаковом уровне развития возможны различные стратегии» [там же, с. 491].

Заключение

Сравнительный анализ теории и практики социальной политики в формате «Европа–Латинская Америка» приводит нас к заключению, что по обе стороны Атлантики происходит пересмотр устоявшихся моделей социального государства. Сегодня в результате обострения социально-экономической обстановки в одних странах Европы трудно найти приметы «государства социального благополучия», в то время как в других его поддержание становится все более дорогим для правящих классов. В рамках курса на общеевропейскую конвергенцию некоторые менее благополучные страны пытаются заимствовать опыт более успешных соседей, однако говорить о формировании панъевропейской модели социального государства пока преждевременно. Возможно, в процессе коллективных поисков странам, сильнее других ощущающим социальный пресс реальности «новой нормальности», удастся реформировать национальную модель «государства неблагополучия», найти ей достойную замену.

Происходящие в Европе перемены не остаются без внимания в Латинской Америке. Страны далекого региона, в свое время воспринявшие европейские концепции социального государства, про-

должают искать свои варианты, адекватные существующей реальности и с учетом возможного будущего. Некоторое сходство глобальных вызовов в Старом и в Новом Свете может заставить искать – и, возможно, найти – некий «третий путь» для противостояния трудностям перед лицом зыбкого, малопредсказуемого грядущего. На наш взгляд, объединение усилий латиноамериканских и европейских ученых и специалистов-практиков по обновлению национальных моделей социального государства представляется весьма актуальным для успешного выполнения национальными моделями *социальных государств* своих функций и обязательств перед нациями.

Список литературы

Латинская Америка XX века: Социальная антропология бедности: Монография / Отв. ред. Б.И. Коваль. – М: Наука, 2006. – 288 с.

Лисоволик Я. Неравенство как «новая нормальность» // Банки. ру. – М., 2016. – 23.06. – Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/columnists/?id=9021379> (Дата обращения – 18.02.2018).

Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А. Дунаев. – М.: Ад Маргинем, 2016. – 592 с.

Семененко И.И. Социальное государство в условиях кризисного развития: Старые мифы, новая реальность // Год планеты: Экономика, политика, безопасность / Гл. ред. В.Г. Барановский. – М.: Идея-Пресс, 2012. – С. 128–139.

Симоянов А. Социальное государство: Суть, критерии, индикаторы // Логос. – М., 2014. – № 2. – С. 215–234. – Режим доступа: http://www.logosjournal.ru/arch/74/98_10.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Социальное государство в странах ЕС: Прошлое и настоящее: Монография / РАН. ИМЭМО; Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. – М., 2016. – 190 с.

Anuario estadístico de América Latina y el Caribe 2016 / CEPAL. – Santiago de Chile, 2016. – 133 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40972/4/S1601037_mu.pdf (Дата обращения – 15.02.2018).

Bárcena A. Los países de América Latina retornan a mirar sistemas de protección social más solidarios // Noticias ONU. – México, 2017. – 24.12. – Mode of access: <https://news.un.org/es/audio/2017/12/1424281> (Дата обращения – 15.02.2018).

**Социальное государство в условиях
«новой нормальности»:
Характеристики европейской и
латиноамериканской ситуаций**

Base de datos de inversión social en América Latina y el Caribe / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – Mode of access: <https://observatoriosocial.cepal.org/inversion/es> (Дата обращения – 18.02.2018).

Cantu R. Depois das reformas: Os regimes de proteção social latinoamericanos na década de 2000 // Revista sociologia e política. – Curitiba, 2015. – Vol. 23, N 56. – P. 45–73.

Cecchini S., Atuesta B. Programas de transferencias condicionadas en América Latina y el Caribe: Tendencias de cobertura e inversión / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – 84 p. – (Políticas sociales; N 224). – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/41811/1/S1700419_es.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Economías de América Latina y el Caribe tendrán moderada recuperación en 2018 y crecerán 2,2%: Comunicado de prensa / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – 14.12. – Mode of access: <https://www.cepal.org/es/comunicados/economias-america-latina-caribe-tendran-moderada-recuperacion-2018-creceran-22> (Дата обращения – 18.02.2018).

Espina Á. Modernización y estado de bienestar en España. – Madrid, 2007. – 262 p. – Mode of access: <http://www.carm.es/ctra/cendoc/haddock/14422.pdf> (Дата обращения – 18.02.2018).

Esping-Andersen G. Why we need a new welfare state. – Oxford: Oxford univ. press, 2002. – 244 p.

Espino Tapia D.R. Una propuesta de estado social para el siglo XXI: Una vuelta al origen // Universitas. – Monterrey, 2016. – N 24. – P. 39–75.

European semester thematic factsheet: Social inclusion / European Commission. – Luxembourg, 2017. – 13 p. – Mode of access: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/file_import/european-semester-thematic-factsheet_social_inclusion_en.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

European social charter: Collected texts / Council of Europe. – 7 th edition. – Strasbourg, 2015. – 498 p.

Europe's disappearing middle class? Evidence from the world of work: Executive Summary / International Labour Office (ILO); D. Vaughan-Whitehead (Ed.). – Geneva, 2016. – 4 p. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_536609.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Expenditure on pensions / Eurostat. – Luxembourg, 2016. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00103&plugin=1> (Дата обращения – 18.02.2018).

Ferrera M. From protection to investment? New frontiers for the European social model (s): Presentation for the Joint seminar on employment and social policy. – Brussels, 2013. – 24–25 June. – 27 p.

General government expenditure by function, % of GDP / Eurostat. – Luxembourg, 2016. – Mode of access: http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tepsr_sp110&plugin=1 (Дата обращения – 18.02.2018).

Gini coefficient of equivalised disposable income: EU-SILC survey / Eurostat. – Luxembourg, 2016. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tessi190&plugin=1> (Дата обращения – 11.02.2018).

Government expenditure on social protection accounted for almost one fifth of GDP / Eurostat. – Luxembourg, 2018. – 09.03. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/8725251/2-09032018-AP-EN.pdf> (Дата обращения – 18.02.2018).

Human development report 2016: Human development for everyone / United Nations development programme (UNDP). – N.Y., 2016. – 286 p. – Mode of access: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Impact of social transfers (excluding pensions) on poverty reduction by sex / Eurostat. – Luxembourg, 2016. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tespm050&plugin=1> (Дата обращения – 18.02.2018).

Income distribution and poverty / OECD.Stat. – P., 2017. – Mode of access: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=IDD> (Дата обращения – 18.02.2018).

Informe sobre desarrollo humano-2013: El ascenso del Sur: Progreso humano en un mundo diverso / PNUD. – N.Y., 2013. – 216 p. – Mode of access: http://www.undp.org/content/dam/venezuela/docs/undp_ve_IDH_2013.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Marí-Klose P., Moreno Fuentes F.J., del Pino-Matute E. The Spanish social model in the crisis years // Policy Network. – L., 2014. – 24.03. – Mode of access: http://www.policy-network.net/pno_detail.aspx?ID=4613&title=-The-Spanish-social-model-in-the-crisis-years (Дата обращения – 18.02.2018).

Midaglia C., Antía F. Bienestar y protección social en América Latina: Abordajes conceptuales y metodológicos para el MERCOSUR / MERCOSUR. – Asunción, 2017. – 104 p. – Mode of access: <http://www.ismercosur.org/wp-content/uploads/downloads/2017/06/LIVRO-VERSAO-FINAL-QUALIDADE-WEB.pdf> (Дата обращения – 18.02.2018).

Monereo Atienza C. Ideologías jurídicas y cuestión social: Los orígenes de los derechos sociales en España: Tesis doctorales / Univ. Carlos III de Madrid. – Madrid, 2006. – 510 p.

Notten G., Guio A.-C. The impact of social transfers on income poverty and material deprivation / ImPRovE. – Antwerp, 2016. – 35 p. – (ImPRovE. Discussion paper; N 16/17). – Mode of access: http://www.centrumvoorsociaalbeleid.be/ImPRovE/Working%20Papers/ImPRovE%20WP%201617_Notten%20Guio.pdf (Дата обращения – 11.02.2018).

Ocampo J.A., Gómez-Ortega N. Los sistemas de protección social, la redistribución y el crecimiento en América Latina / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – 27 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/42030/1/RVE122_Ocampo.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Pactos sociales para una protección social más inclusiva: Experiencias, obstáculos y posibilidades en América Latina y Europa / CEPAL; M. Hopenhayn, C. Maldonado, V. Rodrigo Martínez, M. Nieves Rico, A. Sojo (eds.). – Santiago de Chile, 2014. – 183 p. – (Seminarios y conferencias; N 76). – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/36738/S2014171_es.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Panorama social de América Latina 2015 / CEPAL. – Santiago de Chile, 2015. – 226 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/39965/S1600175_es.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Panorama social de América Latina 2016 / CEPAL. – Santiago de Chile, 2016. – 290 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/41598/4/S1700567_es.pdf (Дата обращения – 11.02.2018).

Panorama social de América Latina 2017 / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – 210 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/42716/4/S1800002_es.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Pensions at a glance 2017: OECD and G20 indicators / OECD. – P., 2017. – 164 p. – Mode of access: http://www.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/oecd-pensions-at-a-glance_19991363 (Дата обращения – 11.02.2018).

Piketty T. Capital in the twenty-first century / A. Goldhammer (Transl.). – Cambridge, MA: Belknap press of Harvard univ. press, 2014. – 696 p.

Robles M., Rubio M.G., Stampini M. Have cash transfers succeeded in reaching the poor in Latin America and the Caribbean? / IDB. – Wash., D.C., 2015. – 41 p. – Mode of access: https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/7223/Have-cash-transfers-succeeded-in-reaching-the-poor-in-Latin-America-and-the-Caribbean_COMPLETE.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Schwarzer H., van Panhuys C., Diekmann K. Protecting people and the environment: Lessons learnt from Brazil's Bolsa Verde, China, Costa Rica, Ecuador, Mexico, South Africa and 56 other experiences / International Labour Office (ILO). – Geneva, 2016. – 102 p. – (Extension of social security (ESS).

Working paper; N 54). – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---gjp/documents/publication/wcms_516936.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Social protection committee annual report 2017: Review of the social protection performance monitor and developments in social protection policies / European Commission. – Luxembourg, 2017. – 496 p. – Mode of access: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/9ebf0bf6-c439-11e7-9b01-01aa75ed71a1/language-en> (Дата обращения – 18.02.2018).

Social scoreboard 2017: Headline indicators: Descriptions and highlights / European Commission. – Luxembourg, 2017. – 32 p. – Mode of access: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4e9a5c5a-c8ee-11e7-9b01-01aa75ed71a1> (Дата обращения – 18.02.2018).

Social Summit for fair jobs and growth: Strengthening the EU's social dimension / European Commission. – Brussels, 2017. – 16.11. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-4643_en.htm (Дата обращения – 18.02.2018).

The European pillar of social rights in 20 principles / European Commission. – Luxembourg, 2017. – Mode of access: https://ec.europa.eu/commission/priorities/deeper-and-fairer-economic-and-monetary-union/europe-an-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-20-principles_en (Дата обращения – 18.02.2018).

World development indicators / World Bank Group. – Wash., D.C., 2017. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> – (Дата обращения – 18.01.2018).

World population prospects 2017 / UN. Population division. – N.Y., 2017. – Mode of access: <https://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery/> (Дата обращения – 18.02.2018).

World social protection report 2014–2015: Building economic recovery, inclusive development and social justice / International Labour Office (ILO). – Geneva, 2014. – 364 p. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_245201.pdf (Дата обращения – 18.01.2018).

World social protection report 2017–2019: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals / International Labour Office (ILO). – Geneva, 2017. – 454 p. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_604882.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).